

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

ГЛАВА VI¹⁾.

Мое первое выступленіе на арену „большого свѣта“ имѣло мѣсто въ шикарномъ клубѣ французской колоніи.

Бѣлое газовое платье, *chef-d'oeuvre* изъ мастерской лучшей модистки въ городѣ, сидѣло на мнѣ восхитительно; гирлянда живыхъ цвѣтовъ, какъ и полагалось молодой дѣвушкѣ по законамъ моды въ тѣ времена, украшала мои локоны, дополняя эффектъ вечерняго туалета.

Едва я перешагнула порогъ ярко освѣщенной залы, какъ тотчасъ же перестала что-либо видѣть передъ собой, внезапно подавленная чувствомъ непреодолимой робости и страшной растерянности: зрѣлище элегантной толпы на мгновение ушло съ моихъ глазъ и, какъ это бываетъ во снѣ, стало расплываться въ неясные образы и формы. „*Le premier quadrille, mademoiselle, le second, s'il vous plait, le cotillon...*“ неслось со всѣхъ сторонъ, и чьи-то руки тянулись къ моему *calépin*, записывая въ него имена желавшихъ танцевать со мной. Это вывело меня изъ хаотическаго разброда мыслей и дало возможность разобраться въ новыхъ нахлынувшихъ впечатлѣніяхъ. Нарядныя до ослѣпительной роскоши дамы, черные фраки, флотскіе мундиры съ иностранныхъ эскадръ, однимъ словомъ, рѣшительно всѣ, явившіеся на открытіе бальнаго сезона, тѣснились ко мнѣ поближе и разсматривали мою скромную, переконфуженную фигуру съ такимъ видомъ, какъ если бы пришло къ нимъ существо изъ другого, невѣдомаго міра. Да оно, пожалуй,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ февраль 1911.

такъ и было въ дѣйствительности, судя потому, что за границей насъ считаютъ людьми совсѣмъ иного порядка вещей въ природѣ, чѣмъ всѣ остальные...

Раздались нѣжные звуки вальса, и я унеслась въ его очаровательномъ вихрѣ. Затѣмъ слѣдовали по очереди другіе танцы, и мы кружились до одурѣнія въ тропической духотѣ, наполнявшей атмосферу залы.

Южные народы любятъ сильныя ощущенія и несутъ всюду за собой жаръ и пылъ своего темперамента.

Сѣверному обитателю съ его холодной кровью и привыкшему, даже развлекаясь, томиться и зѣвать отъ скуки, карнаваль, о которомъ идетъ рѣчь, показался бы прямо чудовищнымъ явленіемъ со всѣми его затѣями... Надо только недоумѣвать, откуда у людей хватало столько силъ, чтобы въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль изо-дня въ день и, какъ говорится, „отъ зори до зори“ носиться съ пѣніемъ и смѣхомъ въ маскарадныхъ процессіяхъ по улицамъ, а затѣмъ безъ передышки танцовать всѣ ночи не только до утра, это бы куда ни шло—вездѣ случается, но нерѣдко ударъ полуденной пушки съ турецкихъ фортвъ заставлялъ насъ еще въ стѣнахъ клуба.

Правда, мнѣ приходилось иногда очень трудно держаться на уровнѣ бурнаго веселія жизнерадостной толпы, но энергія молодости преодолевала физическую усталость, и я старалась плыть по теченію.

Однако пора вернуться къ темъ и впечатлѣніямъ моего перваго бала, что, какъ извѣстно, составляетъ весьма важную эпоху въ жизни каждой молодой дѣвушки.

Передъ котильономъ назначили большой антрактъ, и публика разбрелась по другимъ комнатамъ въ поискахъ за прохладными уголками. Я незамѣтно скользнула въ полуосвѣщенную галерею клуба и притаилась тамъ въ нишѣ окна за драпировкой портьеры. Послышались шаги и французская рѣчь съ парижскимъ акцентомъ. Вошла группа моряковъ и остановилась недалеко отъ моего убѣжища, продолжая, какъ можно было догадаться, начатый равьше разговоръ, и я услышала, что рѣчь шла именно обо мнѣ или, вѣрнѣе, обсуждался фактъ моего появленія со стороны того интереса, который всегда возбуждаютъ къ себѣ русскіе за границей.

— *Morgbleu!* какъ ни какъ, чтобы тамъ ни рассказывали и ни писали объ этихъ „*mangeurs des bougies*“, а все-таки она танцуетъ превосходно, и манера у нея европейская,—похвалилъ меня французскій гражданинъ, что уже само по себѣ являлось высокой честью по отношенію иностранки, да еще русской!

— Интересно бы знать, кто училъ ее такъ ловко вальсировать? спросилъ онъ и задумался, точно и въ самомъ дѣлѣ было надъ чѣмъ ломать голову...

— Diable!—неизвѣстно за что выругался другой морякъ:—кто? вѣроятно, какой-нибудь бѣлый медвѣдь! Напрасно вы смѣтаете господа: я говорю совершенно серьезно и на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ...

Героическимъ усиліемъ воли я поборола въ себѣ приступы отчаяннаго хохота и обратилась въ слухъ. Ораторъ, между тѣмъ, продолжалъ съ интонаціей и пафосомъ, видимо, увлекаясь собственнымъ краснорѣчіемъ:

— Россія—страна загадокъ и удивительныхъ вещей въ міровомъ порядкѣ: тамъ все иначе и не такъ, какъ повсюду въ обоихъ полушаріяхъ земли. Еще недавно, когда нашъ фрегатъ стоялъ въ Чивитта-Веккія, мнѣ пришлось случайно познакомиться съ однимъ очень извѣстнымъ ученымъ, который объѣздилъ ради этнографическихъ изысканій всѣ города и „департаменты“ Московской Имперіи. По его авторитетному утвержденію въ этомъ ледяномъ государствѣ чрезвычайно развито хореографическое искусство, и какъ ни странно только что сказанное мною, но фактъ остается фактомъ: почтенный этнографъ собственными глазами видѣлъ танцующихъ на улицахъ полярныхъ дамъ съ медвѣдями, при чемъ косматые кавалеры выдѣлывали такіе мудренныя па и лируэты, которымъ позавидовала бы любая балерина въ Парижѣ. Что же касается русскихъ мужчинъ, то послѣдніе, какъ рассказывалъ ученый, совершаютъ обыкновенно свой культъ Терпсихорѣ почти такъ же, какъ дѣлаютъ это дикари на островахъ Тихаго океана, т. е. зажигаютъ костры и прыгаютъ вокругъ, оглашая воздухъ дикими воплями...

Я слушала и не вѣрила ушамъ, хотя послѣ нѣкотораго размышленія пришлось сознаться, что здѣсь была крошечная доля правды или, выражаясь правильно, до нѣкоторой степени пародія на нее. Если предположить даже, что словоохотливый морякъ не бредилъ и не рисовалъ картину, созданную его же фантазіей, а передавалъ рассказъ дѣйствительно посѣтившаго наше отечество съ научными цѣлями туриста, то не трудно догадаться, что сей послѣдній видѣлъ какъ-нибудь мимоходомъ въ одномъ изъ „департаментовъ“ внутренней Россіи просто нашихъ ручныхъ „Мишекъ“, которыхъ въ сказанныя времена водили по деревнямъ и хуторамъ на потѣху сельскому обывателю. Но по всѣмъ вѣроятіямъ и по неизвѣстнымъ причинамъ тогда же что-то смѣшалось и перепуталось въ ученой головѣ этнографа, и зрѣлище плясавшаго на цѣпи звѣря передъ толпой мужиковъ, бабъ и ребятишекъ предста-

вилось ему „полярнымъ баломъ“, а грѣвшіеся въ большіе морозы у тлѣющихъ костровъ на городскихъ площадяхъ извозчики и прохожіе показались ему тихоокеанскими людодѣдами.

Можно еще и такъ подумать: знаменитый бытописатель какъ охарактеризовалъ его самъ рассказчикъ, прекрасно все видѣлъ въ надлежащемъ освѣщеніи, имѣя къ тому же пару глазъ во лбу; но по свойствамъ французскаго ума и сердца говорить только дурное о другихъ народностяхъ, а по преимуществу о насъ грѣшныхъ, нарочно придумалъ такую вздорную сказку, чтобы дополнить ею и безъ того слишкомъ обширную энциклопедію нелѣпыхъ басенъ, скверныхъ анекдотовъ, отвратительныхъ памфлетовъ, которымъ весь міръ чистосердечно вѣритъ.

Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ они приходятъ къ намъ толпами и ѣдятъ нашъ хлѣбъ?

Но я слишкомъ далеко ушла въ сторону, а это случилось вслѣдствіе того, что мнѣ всегда становится больно и обидно, когда приходится по необходимости, какъ вотъ сейчасъ, перечитывать тѣ страницы въ моемъ дневникѣ, которыя заполнены сужденіями и пересудами иностранцевъ о нашей Россіи, и тогда хочется подѣлиться съ читателемъ своими мыслями и чувствами. Впрочемъ, еще одна подробность въ заключеніе. Современемъ, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ по волѣ капризной судьбы, носившей меня долгіе годы по волнамъ житейскаго океана, пришлось мнѣ хорошо познакомиться съ нѣкоторой частью французскаго общества, и все увлеченіе любимой націей, о которой я судила, конечно, по увлекательнымъ романамъ той эпохи, исчезло, какъ дымъ и смѣнилось глубокимъ разочарованіемъ.

Прежде всего меня удивляло поразительное невѣжество молодежи высшаго круга, міровоззрѣніе которой не шло дальше „la belle France“ и „le beau Paris, за предѣлами которыхъ, по убѣжденіямъ этихъ господъ, жили только дикари.

Но еще болѣе невѣроятнымъ казалось то, что флотскіе офицеры, посѣщая рейды всѣхъ странъ свѣта, также отличались скудными познаніями изъ области географіи, исторіи и жизни другихъ народностей, считая себя единственными носителями высшей культуры.

Даже на англичанъ они смотрѣли свысока, сочиняя на нихъ злостные анекдоты и разнообразные курьезы.

Сейчасъ Франція „нашъ другъ“, но не слѣдуетъ забывать, что именно благодаря ея литературѣ, распространенной по всему земному шару, за нами навсегда утвердилась прочная репутація „варваровъ“ и даже прямо „людодѣдовъ“ какихъ-то...

— Однако, странныя вещи приходится читать и слышать о русскихъ, — заговорилъ одинъ изъ собесѣдниковъ и, судя по акценту, можно было понять, что то былъ итальянецъ:—увѣряютъ, напримѣръ, что они ѣдятъ салныя свѣчи—неужели это правда?

— Ну, конечно, правда! истинная правда!—возразили ему:— исторически извѣстно, что за время пребыванія союзной арміи въ Парижѣ, мирнымъ обывателямъ просто не было покоя отъ реквизицій казаковъ за свѣчнымъ саломъ, которое они поѣдали въ ужасающемъ количествѣ. Но вотъ и ритуфель! кстати: я танцую котильонъ съ русской барышней—надо ее спросить обо всѣхъ этихъ курьезахъ,—расхохотался неизвѣстно чему остроумный французъ и отправился на поиски за мной; остальные также вышли, и галерея опустѣла.

— *Vicomte de Berry!*—вспомнила я, что въ моемъ *sacnet* было записано это знаменитое въ исторіи Франціи имя:—но, Боже мой, какое невѣжество!—думалось мнѣ:—у насъ въ институтѣ маленькая дѣвочка въ приготовительномъ классѣ не повѣрила бы, пожалуй, тому вздору, что наболталъ цивилизованный морякъ о Россіи¹⁾.

Тогда, возмущенная до глубины души, я приняла рѣшеніе во что бы то ни стало, хотя даже подъ предлогомъ внезапной болѣзни, уклониться отъ необходимости танцевать съ неприятнымъ для меня человѣкомъ, какъ вдругъ послышались шаги и голоса, приковавшіе меня къ мѣсту.

— И здѣсь нѣтъ! да куда же въ такомъ случаѣ закатилась „полярная звѣзда“? не знаете ли вы? громко спросилъ кто-то на мѣстномъ жаргонѣ неизвѣстно кого; но, видимо, попавшагося ему на пути одного изъ своихъ знакомыхъ.

— Нѣтъ, не имѣю понятія: астрономія, какъ вамъ извѣстно, наука мудреная, — отвѣтилъ ему послѣдній:— не лучше ли намъ пойти въ буфетъ и выпить по рюмочкѣ коньяку, чѣмъ заниматься звѣздами...

— Какъ! вы ничего не знаете?—перебилъ его собесѣдникъ:—а между тѣмъ преуморительная исторія: дѣло въ томъ, что *de Berry*

¹⁾ Разсказанная мною здѣсь легенда о салныхъ свѣчахъ вовсе не относится только къ давно прошедшимъ годамъ: она существуетъ по сіе время во Франціи. Еще недавно въ одномъ изъ салоновъ Петербурга я лично слышала отъ проживающаго здѣсь же французскаго гражданина и, по странному совпаденію тоже „виконта“—только фамилія его другая—что якобы, дѣйствительно, въ столицѣ перестали ѣсть свѣчи, благодаря просвѣтительному вліянію иностранцевъ; но въ глуши Россіи, какъ онъ утверждалъ, это составляетъ любимое наше лакомство.

Примѣч. автора.

съ ногъ сбился, бѣгая по всему клубу въ поискахъ за своей дамой, которая, точно фантомъ, вдругъ исчезла, и не могутъ ее найти...

— Ну, и пусть себѣ бѣгаетъ, надрываясь отъ хохота, возразилъ другой:—гдѣ же ей и быть, какъ не на сѣверномъ полюсѣ: откуда пришла, туда и ушла. Впрочемъ, что касается русскихъ, то отъ нихъ всего можно ожидать—народъ удивительный! Вотъ и сюжетъ для „свѣткой хроники“ въ „Impartial“—надо сказать Шарлю, чтобы написалъ въ родѣ того, на примѣръ: на горизонтѣ южнаго неба возшла звѣзда... окончанія импровизаціи не удалось разобрать, такъ какъ оба прошли дальше къ выходу.

Сообразивъ, наконецъ, что мое слишкомъ долгое и необъяснимое отсутствіе могло вызвать настоящій скандалъ, я рѣшилась во избѣжаніе переполоха и нагоняя отъ родныхъ покориться обстоятельствамъ и вернуться въ танцевальный залъ, но къ своей неудачѣ у дверей встрѣтилась съ дядей.

— Гдѣ ты пропадала? это еще что за выдумки?—съ раздраженіемъ спросилъ онъ и принялся жестоко распекать меня, не слушая возраженій

— Mille pardons, mademoiselle,—обратился ко мнѣ виконтъ, когда мы усѣлись противъ нашего vis-à-vis:—я всюду искалъ васъ и такъ безпокоился...

— О чемъ?—съ внезапнымъ вдохновеніемъ злобы перебилая:—здѣсь не въ Россіи—медвѣди не съѣдятъ...

Мой кавалеръ даже ротъ разинулъ и смутился до потери всякаго апломба, никогда не покидавашаго его. Заикаясь и краснѣя, онъ сталъ увѣрять меня, что лично онъ прямо обожаетъ русскихъ и что ни одна нація въ мірѣ не привлекаетъ къ себѣ столько „симпатій“, какъ наша.

Фальшивый тонъ француза еще болѣе обозлилъ меня; но я угрюмо отмалчивалась, а въ концѣ концовъ сухо и холодно попросила его измѣнить тему разговора. По всѣмъ вѣроятіямъ, виконтъ de Berry не сохранилъ пріятныхъ воспоминаній о котильонѣ того вечера.

Г л а в а VII.

Чтобы украсить рассказъ о Смирнскомъ карнавалѣ, я могу добавить сюда довольно забавную сценку мѣстнаго колорита. Дѣйствующими лицами здѣсь будутъ одинъ очень либеральный турецкій чиновникъ, занимавшій тогда видный постъ по администраціи пашалыка, и его супруга французенка-католичка, на которой онъ

женился за границей. Вліяніе послѣдней на мужа было такъ неотразимо, что онъ жилъ только по ея указаніямъ.

Я познакомилась съ этой интересной четой на костюмированномъ балу въ англійскомъ клубѣ.

Турки, лишая своихъ женщинъ общественныхъ развлеченій, сами весьма охотно посѣщаютъ собранія европейцевъ и даже тацуютъ съ нами, но по врожденной степенности характера предпочитаютъ кадрили, хотя молодежь не прочь и повальсировать иногда. У себя же они не могутъ устраивать пріемовъ съ участіемъ дамъ, такъ какъ на то не имѣется санкціи Корана.

Для женщины, по опредѣленію священной книги Ислама, существуетъ всего только одинъ законъ: это воля мужа и единственная обязанность—безусловное подчиненіе этой волѣ. Что же касается женъ-христіанокъ, исповѣдующихъ свою религію, то существуютъ постановленія, которыя обязываютъ ихъ соблюдать всѣ правила хорошаго тона и благопристойности съ мусульманской точки зрѣнія, какъ, напримѣръ, не являться на публичныя увеселенія гяуровъ даже вмѣстѣ съ мужемъ, не выходить изъ дому съ открытымъ лицомъ, а также не разговаривать съ мужчинами на улицахъ и много др.

Но въ то же время, по словамъ какого-то остряка, законы для того и пишутся, чтобы ихъ обходили, то, надо думать, что и турецкія дамы въ силу именно этого мудраго изреченія такъ и поступаютъ, въ особенности иностранки, пользуясь въ несравненно большей степени вліяніемъ на мужей, чѣмъ турчанки, забытыя и одичавшія въ нездоровой атмосферѣ гаремовъ.

Правда, такое неравенство озлобляетъ ихъ, и нельзя сказать, чтобы онѣ отличались смиреніемъ и кротостью. Былъ такой случай въ Константинополѣ.

Во всѣхъ вагонахъ конно-желѣзныхъ дорогъ устроены женскія отдѣленія для мусульманокъ. Однажды пріѣзжая австріячка, любопытства ради, упросила кондуктора посадить ее вмѣстѣ съ турчанками.

Бѣдныя затворницы обрадовались случаю выместить на ней свои житейскія невзгоды, и не успѣла та опомниться, какъ онѣ повалили ее на диванъ, завязали ротъ и принялись жестоко щипать ненавистную гяурку.

Это происшествіе надѣлало шуму въ дипломатическихъ кругахъ и послужило предлогомъ для запроса со стороны Австро-Венгерскаго посланника.

Чтобы не вдаваться въ подробное описаніе всѣхъ изворотовъ и хитрыхъ уловокъ, къ помощи которыхъ прибѣгаютъ иногда эти

женщины для обхода обязательныхъ предписаній закона, я лучше расскажу сейчасъ же о томъ, что обѣщала въ началѣ главы.

Итакъ, въ англійскомъ клубѣ мнѣ представили уже не молодого и по виду солиднаго турецкаго администратора съ нѣсколькими орденами на груди. Онъ записался въ моемъ carnet на 2-ю кадрили: Я прочла: Намукъ-эфенди и тотчасъ же вспомнила, что уже видѣла его жену какъ-то мелькомъ въ одномъ семейномъ домѣ и слышала о ней много интереснаго. Такъ говорили, напримѣръ, что почтенный эфенди до встрѣчи съ ней являлъ собою яркій типъ непримиримаго фанатика и жестокаго деспота по отношенію къ своему прежнему гарему; но очарованіе французенки все разрушило и создало ему новый порядокъ жизни. По ея желанію онъ немедленно, какъ только женился, отказался навсегда отъ евнуховъ и невольницъ и далъ ей торжественное обѣщаніе на священной реликвиі Ислама до самой смерти не знать другой женщины, кромѣ нея, своей жены. И дѣйствительно, за 18 лѣтъ ихъ супружества, полного счастья и взаимнаго согласія, онъ ни разу не нарушалъ своего зарока.

Рассказанный случай далеко не одиночное явленіе: всегда такъ бываетъ, если жена заберетъ мужа-мусульманина подъ башмачекъ европейскаго издѣлія. При этомъ необходимо отмѣтить, что супруга Намукъ-эфенди не блистала красотой и граціей: тощая фигура, неладно скроейная, сѣренькіе глазки, не осѣненные пышными рѣсницами и черными бровями, что составляетъ, по мнѣнію восточныхъ людей, всю прелесть женскаго лица, острый подбородокъ, вздернутый кверху носъ съ широкими ноздрями и, тѣмъ не менѣе, она казалась влюбленному супругу настоящей Клеопатрой.

При дальнѣйшемъ нашемъ сближеніи, когда мы стали уже бывать другъ у друга, она посвятила меня во всѣ подробности ея біографіи. По собственному признанію этой удивительно ловкой дамы ей не стоило большого труда обрѣзать ногти звѣрю и засадить его въ клѣтку, откуда онъ вышелъ кроткой овечкой, какимъ всѣ видѣли его въ присутствіи жены.

Я была также чрезвычайно откровенна съ ней и взаимно получала дружескіе совѣты и наставленія не бѣгать отъ судьбы, а только послѣдовать ея примѣру.

Но возвращаюсь, наконецъ, къ инциденту.

Грянула ригурнель ко 2-й кадрили, и вдругъ у насъ по безопасности самого же Намукъ-эфенди не оказалась vis-à-vis. Тогда онъ обратился къ одному изъ распорядителей бала съ просьбой уладить дѣло.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—отвѣтилъ послѣдній, загадочно улыбнувшись, и помчался куда-то.

Минуту спустя противъ насъ усаживалась пара: морякъ съ французской эскадры, а съ нимъ никто иной, какъ жена моего кавалера.

По залу пробѣжалъ трепеть, такъ какъ всѣ узнали явившуюся даму и ждали, вѣроятно, скандала. Но ничего особеннаго не случилось: мужъ, продолжая занимать меня пріятными разговорами, отъ времени до времени кидалъ мимолетный взглядъ въ сторону жены, какъ будто видѣлъ ее первый разъ въ жизни.

Въ 6-й фигурѣ нашимъ кавалерамъ приходилось, волей-неволей, мѣняться дамами: танцующіе сосѣди насторожились; но опять такъ ровно ничего не прочли на безстрастномъ лицѣ турка. Зато супруга его превесело болтала со своимъ землякомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на окружающихъ.

А между тѣмъ, здѣсь же находились лица, которыя весьма неодобрительно и съ явнымъ укоромъ посматривали на интересную чету. То были представители, какъ военной, такъ и гражданской власти, приглашенные на рауть въ качествѣ почетныхъ гостей генеральнымъ консуломъ Британіи. Было слишкомъ замѣтно, что имъ очень не нравилось подобное нововведеніе, исходившее къ тому же изъ дома правовѣрнаго.

Когда окончилась кадрили, то къ Намукъ-эфенди приблизился адъютантъ сановника и пригласилъ его слѣдовать за нимъ на пару словъ. Сама виновница переполоха преспокойно вышла изъ зала вмѣстѣ съ морякомъ и направилась къ буфету, куда и я поспѣшила за ней, воображая, что она погибла. Но въ отвѣтъ на мои старанія ободрить ее, бойкая французенка звонко расхохоталась, а затѣмъ, успокоившись, обстоятельно разъяснила мнѣ, въ чемъ собственно заключалось недоразумѣніе по отношенію къ ея поступку, какъ жены мусульманина.

— Я въ точности исполняю всѣ предписанія Корана, до насъ касающіяся, и строго придерживаюсь обязательныхъ правилъ турецкаго этикета,—говорила она убѣжденно.

— Но, однако, вашего мужа позвали къ начальству?—перебила я, удивленная ея апломбомъ.

— Ну, и пусть себѣ!—разсмѣялась нѣжная супруга, такъ какъ все равно, если хотите знать, вся эта нелѣпая исторія кончится тѣмъ, что наши судьи окажутся въ роляхъ подсудимыхъ—вотъ увидите сами!

— Какимъ же образомъ можетъ такъ случиться?—спросила я, еще болѣе недоумѣвая, и получила въ отвѣтъ:

— А вотъ какъ: мой мужъ даже и не подозрѣваетъ, что его жена собственной персоной находится здѣсь...

— Ну, знаете..... попробовала я что-то возразить, но разведала только руками.

— Напрасно, напрасно!—обидѣлась веселая дома:—вы даже не понимаете, въ чемъ именно дѣло—извольте, я объясню: по обычаю Ислама намъ, супругамъ, не полагается быть вмѣстѣ внѣ дома. А такъ какъ мнѣ чрезвычайно хотѣлось потанцовать на этомъ роскошномъ раутѣ у англичанъ, то мы и пришли сюда каждый самъ по себѣ; по требованію хорошаго тона для мужа я здѣсь совершенно незнакомая ему личность, и онъ обязанъ даже не замѣчать моего присутствія—поняли?

— Нѣтъ, не совсѣмъ,—призналась я:—и никогда не пойму, почему одинъ только почтенный эфенди долженъ ломать комедію, тогда какъ всѣ, не исключая турецкихъ сановниковъ, узнали васъ?

— „Не исключая турецкихъ сановниковъ“—съ особеннымъ удареніемъ повторила французенка мои слова:—вотъ именно въ нихъ-то и вся суть, милая моя! Откуда имъ, напримѣръ, извѣстно, что здѣсь, въ собраніи находится въ данный моментъ „жена моего мужа?“—скаламбурила она и не смущаясь продолжала:—ни одна мусульманка усерднѣе меня не выполняетъ всѣхъ обязанностей, освященныхъ традиціями Ислама: по улицамъ я хожу закутанная въ фередже и подъ яшмакомъ, съ мужчинами не разговариваю и у себя, на женской половинѣ ихъ не принимаю—слѣдовательно, наши обвинители не могутъ имѣть яснаго и опредѣленнаго представленія о моей наружности. Но разъ имъ угодно будетъ утверждать противное, то Намукъ-эфенди имѣетъ полнѣйшее основаніе притянуть къ отвѣту этихъ господъ за нарушеніе правилъ благопристойности и хорошаго воспитанія, такъ какъ законъ Шаріата караетъ правовѣрнаго за слишкомъ пристальное разсматриваніе лица гаремной обитательницы.

Доводы ея показались мнѣ правильными, и я вернулась въ залу, чтобы взглянуть на эфенди послѣ аудіенціи у начальства; но онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, уже танцевалъ лансье, тяжело переваливаясь съ ноги на ногу передъ какой-то зубатой и костлявой миссъ.

На слѣдующій день горожане не могли вдоволь насмѣяться по поводу смѣшного инцидента съ Намукъ-эфенди въ бібліотекѣ клуба, куда его позвали для объясненій. Присутствовавшіе тамъ случайно нѣсколько аборигеновъ Смирны, изъ которыхъ многіе хорошо знали турецкій языкъ, передали намъ въ забавной формѣ подробности событія. По ихъ словамъ начальствующія особы накинудились

съ жестокими упреками на либеральнаго чиновника; но послѣдній не растерялся и спокойно отвѣтилъ, что супруга его осталась дома, а слѣдовательно и не могла быть въ клубѣ.

Что же касалось дамы, о которой шла рѣчь, онъ также объяснилъ, что увидѣлъ ее первый разъ въ жизни, а до сего, молъ, даже и не подозрѣвалъ о ея существованіи.

Когда же сановники, не слушая его возраженій, настаивали на обвиненіи, то Намукъ-эфенди не безъ лукавства спросилъ ихъ: съ какихъ поръ правовѣрные мусульмане стали изучать наружность чужихъ женъ и на столько основательно, что сразу узнаютъ ихъ безъ яшмаковъ?

Высокопоставленные лица смутились и пробормотали, что всѣ франки въ залѣ, не стѣсняясь ихъ присутствіемъ, громко называютъ даму по имени.

— Мало ли сплетень и безобразій позволяютъ себѣ франки—при чемъ же я здѣсь?—съ негодованіемъ проговорилъ подсудимый и удалился отъ судей своихъ, оставивъ ихъ весьма переконфуженными.

Однимъ словомъ, произошло все такъ, какъ и предсказала дальновидная супруга либеральнаго Намукъ-эфенди.

Е. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

